

Сказка о Грозном и старце

Царь Иван Васильевич пришел в Сергиев монастырь к бдению и слыша крылошанина гораздо пению; а он сам гораздо был пению. И послал к нему боярина своего спросить: откуда старец? И пришел боярин, сотвори молитву, а старец говорил: «Аминь». — «Царь-де Иван Васильевич велел тебя спросить: откуда старец?» И старец отвечал: «Аз-де отсюда старец», — и на себя оком окинул. И пришел боярин, говорит: «Государь, я не смею говорить тебе; старец говорит: я-де отсюда чернец, и спереди и сзади». И в другой поем посылает того-же боярина спросить: где пострижен? И боярин спросил с молитвою, по чину, где пострижен; и старец поднял шапочку и рек: «В то пострижен», — и указал на главу. И боярин сказал царю, и царь рек: «Впрямь-де он с главы пострижен». И как почалися псалмы петь, и царь сам пошел к старцу и сотворил молитву, и старец аминя не дал, и царь прочь пошел. И царь опять пришел и сотворил молитву, и старец аминя не дал, царь и прочь пошел. И начали петь алилуя, и царь сотворил молитву, и старец рек: «Аминь с проволокою». И царь молвил: «Что-де ты давеча не отвечал?» — «Здесь-де одного подобает слушати». И царь взошел на крылос, и старцы все роздались, а головщик не поступился, и царь стал под ним; и как приспело петь поилеилуй, и старец не почал петь, а царь пел; а старец говорит: «Только и умеешь». И царь сошел с крылоса; и как приходит пролог чести, царь говорит архимандриту, чтобы положили исподнею доскою вверх, да обернуть главою вниз, а низом вверх; а чести велел архимандрит тому-же старцу. И старец пошел чести, и отворил книгу, и учал [в]здорное говорить, и, молвя слова два-три и «богу нашему слава», да, поотшед, молвил: «Чтоб-де чисто было в глазах у того, кто книгу положил». А положил книгу уставщик по архимандричью велению; и царь о том был светел. И после пения царь приказал архимандриту покоить головщика пивом и медом, чтобы упился и проспал заутрен[н]ю. И заутро праздник Ивана Богослова, и бысть бдение; и как отдали часы дневные, и царь пошел подслушивать. В келье они крылошены играют, все пьяны, масло колотят, и тот головщик; не чаяли они, что тут играет[?]. И царь, идучи, без архимандричья благословения приказал благовестить; и пришел до звону царь, а головщик стоит на крылосе чинно. И царь пришел, сотворил молитву и говорит: «Чернец, бес ли ты или человек? Топеря ты сказали пьяна, а ты на крылосе стоишь!» И старец рек: «Бес-де не может от зла к добру, а человек преложен естеством и самопроизволен, может ся приложить от зла к добру и от добра ко злу». И на другой день государь после стола глядел сквозь оконницу, а тот головщик идет с погреба

сам друг со старцем, а несут по кувшину пива, и как будут против окна, и учили драться, и, дрався, один от другого побежал, и он за ним бросил всем кувшином, и кувшин разбил, и пиво пролил. И царь был светел. И те старцы один другому говорил: «О чем дрались?» И другой говорит: «Не сведаю, о чем». И паки один возрев на церковь, и рек: «Пресвятая Троице, помилуй нас», — весь до конца. И по сем прощение полное получися, и пошли. И царь пошел из монастыря и приказал беречь его архимандриту, и старца призывает к столу в Александрову слободу; а быть ему ни конем, ни пешу, ни в платье и ни нагу. И тот старец пошел с крылошаны; и как будут близ слободы и двора церковного, веле[в]ся оболочи всем старцем мережами, и друг друга несли за кукорки, переменяясь. А царь смотрел сверху; и дивился царь старцеву разуму, и велел за столом посадить, и, покоя гораздо, дати всем им ложки долгие стебли, что не можно самому себе в рот уноровить. И учили старцы есть, друг другу чрез стол в рот подавать. И царю сказали, и царь дивился разуму его. И после многого кушанья велел царь спросить, сыты ли; и они сказали, сыти-де. И велел государь принести к ним пирог свой царский, и они его весь съели. И царь приказал: «Как-де вы, старцы, лжете, сказав сыти, и пирог весь съили?» И головщик говорил: «Как-де бывает хоромина полна людей, а царь идет и молвит: всем тесна, а царю пространная дорога. И так-де и пирог царский». И царь его призвал к себе, и говорит: «Чернец, приказа-де ты архимандриту; чем жаловать?» И он приде: «Государь, немного старцу надобно, только в трое: тепло, мокро и мягко». И бояре дивились, что говорит нелепо пред царем; и государь говорил: «Впрямь-де он просит тепло — келья, и питья нескудного, и мягкого хлеба». И приказал его архимандриту жаловать наипаче всех братий. И опять пошли крылошени в монастырь, а государь царь Иван Васильевич остался во Александровской слободе.